

A black and white portrait of Alexander Alekhine, a chess player, looking directly at the camera. He is wearing a dark suit, a white shirt, and a patterned tie. In the bottom right corner, several white chess pieces (a king, queen, rook, and knight) are visible on a chessboard.

**АЛЕКСАНДР
КОТОВ**

**АЛЕКСАНДР
АЛЕХИН**

**СУДЬБА
ЧЕМПИОНА**

Покорившие мир

Александр Котов

**Александр Алехин.
Судьба чемпиона**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 85.374

Котов А. А.

Александр Алехин. Судьба чемпиона / А. А. Котов —
«Алисторус», 2022 — (Покорившие мир)

ISBN 978-5-00180-560-1

130 лет назад родился Александр Александрович Алехин – великий шахматист, первый русский чемпион мира, которого многие знатоки древней игры считают сильнейшим гроссмейстером «всех времен и народов». Он относился к шахматам как к искусству – и был его преданным служителем, ярким мыслителем, а не только игроком. Алехин стоит у истоков советской шахматной школы. Но с 1921 года он жил на чужбине, где стал победителем многих престижных шахматных турниров и завоевал корону чемпиона мира, подтвердив это высокое звание еще трижды. Он и умер в 1946 году непобежденным. Повествование гроссмейстера А. А. Котова об Александре Алехине остается непревзойденным. Мы дополнили его современным очерком жизни и творчества великого шахматиста, в котором говорится о том, о чем невольно умолчал автор написавший свой шедевр в 1965 году.

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-00180-560-1

© Котов А. А., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

Два гроссмейстера	6
Белые и черные	11
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Котов
Александр Алехин. Судьба чемпиона

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

© Составитель А. Замостьянов, 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Два гроссмейстера

130 лет назад родился Александр Александрович Алехин – великий шахматист, первый русский чемпион мира, которого многие знатоки древней игры считают сильнейшим гроссмейстером «всех времен и народов». Он относился к шахматам как к искусству – и был его преданным служителем, ярким мыслителем, а не только игроком. Анализируя судьбу и наследие Александра Алехина, необходимо искать наиболее объективный, рациональный путь, синтезируя находки советского времени и новые изыскания.

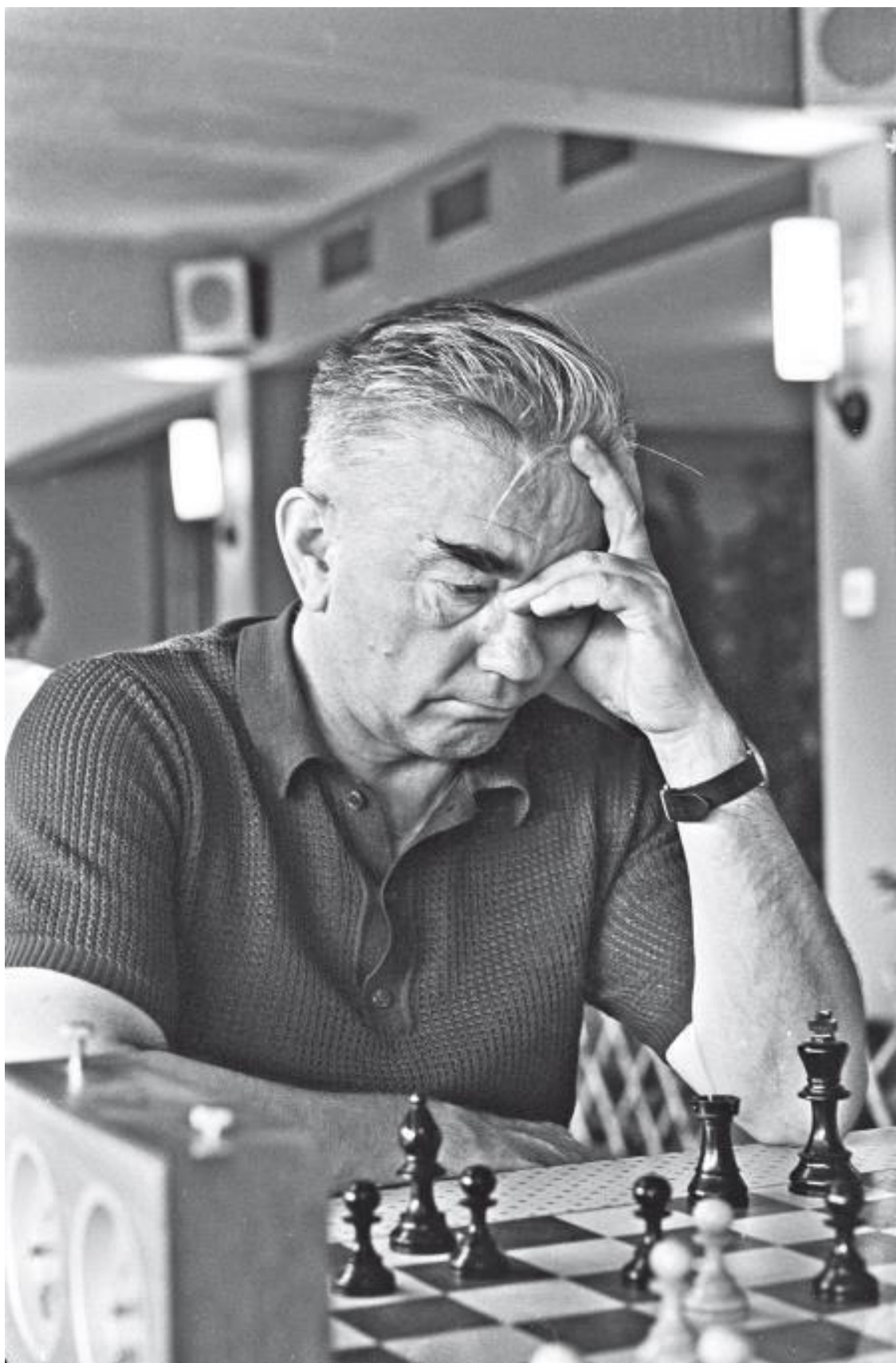

Александр Алехин

Алехин стоит у истоков советской шахматной школы. В октябре 1920 года он занял первое место на Всероссийской Олимпиаде в Москве, которая по традиции считается первым чемпионатом страны. Но с 1921 года он жил на чужбине, где стал победителем многих престижных шахматных турниров и завоевал корону чемпиона мира, подтвердив это высокое звание еще трижды. Он и умер в 1946 году непобежденным.

Гроссмейстер Александр Александрович Котов (1913–1981) был не только выдающимся шахматистом, но и знатоком человеческих судеб, талантливым писателем и исследователем. Его повествование об Александре Алехине остается непревзойденным. Мы дополнили его современным очерком жизни и творчества великого шахматиста, в котором говорится о том, о

чем невольно умолчал А. А. Котов, написавший свой шедевр в 1965 году. Он открыл личность Алехина – эмигранта, изгоя, но великого шахматного маэстро – широкой советской публике. Конечно, его мастерством восхищались и до появления этой книги. Все советские гроссмейстеры, все наши чемпионы мира в той или иной степени учились у Алехина. Но решающую роль в осмыслении его судьбы и дарования сыграл именно Котов – человек, глубоко понимавший и шахматы, и историю нашей страны.

Александр Котов

Эта книга – как диалог двух гроссмейстеров, следить за которым и увлекательно, и полезно. Мы продолжаем и дополняем ее современным взглядом на судьбу Алехина, в кото-

ром политические переплеты, связанные с ним, преподнесены более объективно, чем это было возможно в 1965 году.

Белые и черные

Часть первая

Взлет

1

Под вечер по бульвару Капуцинов в Париже шел стройный, выше среднего роста блондин лет тридцати. Шел он не спеша, на каждом шагу останавливаясь, разглядывая красочные рекламы ночных кабаре, броские афиши кинокартин. Подолгу задерживался путник и у каждой витрины; порой он что-то шептал про себя, удивленно покачивал головой и затем медленно шел дальше, чтобы вновь задержаться у следующего окна.

По тому, как внимательно разглядывал он все, что попадалось на пути, как быстро бегали от предмета к предмету его голубые глаза, можно было предположить, что человек этот – приезжий. В этом убеждал также его новенький, видимо, недавно сшитый, костюм, несколько темный для этого времени года, вышедший из моды галстук и чересчур светлые ботинки. Мгновенно определив, что это приезжий, продавец каких-то забавных мелочей обратился к нему с предложением товара, но остановился в изумлении, услышав слова, произнесенные по-французски без малейшего акцента:

– Благодарю. Мне это не нужно!

Александр Алехин более восьми лет не был в Париже: последний раз он посетил Францию в тринадцатом году. Как всегда, в первый день приезда во французскую столицу он испытывал чисто физическое наслаждение от прогулки по ее величественным центральным улицам. Особенно теперь, когда из голодной Москвы он попал в царство сытости, тепла и веселья, разом получил блага, которых был лишен последние годы.

Следов войны уже не было видно в Париже: здесь умеют быстро забывать неприятности и несчастья. Как и восемь лет назад, жизнь бурлила в каждом углу, отовсюду призывные рекламы сулили радость и наслаждение. Не беда, если эти обещания на самом деле часто оказывались мифом: в Париже не видят плохого в том, что человек, увлекшись чудным видением, хоть на минуту поверит в реальную возможность несбыточного.

«А он прав», – вспомнил Алехин шофера такси, везшего его с вокзала в небольшую гостиницу на Рю де Бак. Каким-то шестым чувством определив в пассажире соотечественника, шофер, видимо из эмигрантов, прервал молчание неожиданной тирадой на русском языке:

– Везет чертям! – кивнул он в сторону проходивших мимо французов. – Почти проиграла войну, чуть не отдали Париж – и хоть бы хны! Поют, танцуют, как ни в чем не бывало!

Устроившись в гостинице, Алехин пошел бродить по городу. Не спеша дошел он до набережной Сены, перешел мост и очутился в самом центре Парижа – парке Тюильри. Отсюда вскоре попал он на бурлящую площадь Согласия с знаменитым обелиском, потом на красивейшую улицу Парижа – Елисейские поля. Здесь за столиками, выставленными прямо на тротуар, отдыхали туристы и те французы, кому не нужно было сейчас, днем, зарабатывать франки.

«Да, все, как в доброе старое время, – подумал Алехин, обходя ноги посетителей кафе, развалившихся в соломенных креслах. – Все те же сонмища богатых бездельников, все тот же призывный смех женщин, тот же парад ярких богатых туалетов». Ему снова вспомнилась только что покинутая Москва: промерзлые комнаты полуразрушенных домов, бумага вместо

стекло, мимолетное тепло причудливых «буржук». Длинные очереди за осьмушкой хлеба, уходящие на фронт красноармейцы. Разруха, холод, голод.

Медленно поднимался Алехин вверх, к Триумфальной арке, на душе его с каждой минутой становилось все светлее и радостнее. Наконец-то вернулась жизнь! Жизнь! Опять можно иметь все, что захочешь, были бы деньги. В ресторане можешь заказать бифштекс, выпить коньяку, кофе: кивни – сразу принесут. Можно купить себе новый костюм, пальто, можно лечь в чистую, мягкую постель в теплом, удобном номере отеля. И тебя не разбудят затемно на субботник расчищать пути от снега или грузить дрова. И самое важное: ты можешь в любой момент вынуть карманные шахматы и без конца анализировать шахматные варианты. Какое счастье! Ты же попал в рай!

Вдруг тревожная нота перебила светлые мысли. «А что с тобой дальше будет? – спросил сам себя Алехин. – Ведь ты один в этом городе, во всей стране, в Европе. Никому ты не нужен, никто тебя не знает. Кто из этих людей, спешащих по своим делам, может вдруг остановиться и радостно хлопнуть тебя по плечу?» Никто. Ты один, совсем один. «Нет более страшного одиночества, чем одиночество в толпе людей», – вспомнил Алехин прочитанные где-то слова.

«Так что дела твои не очень-то хороши, – рассуждал приезжий. – Нет ни дома, ни родных. И с деньгами положение не такое уж радостное! А вдруг случится несчастье, заболеешь. Кто тебе поможет в трудную минуту? Русские эмигранты? Куда там: они почти все сами перебиваются с хлеба на квас. Потом, а кто из них тебе здесь близок?»

В следующее мгновение Алехин, однако, успокоил себя: «Что ты раскис! Только подумай: что значат твои сегодняшние тревоги по сравнению с пережитым?! Какие испытания пришлось перенести за последние семь ужасных лет: война, фронт, тяжелая контузия. Томительные месяцы лазарета, потом революция, внезапная нищета. Долгие годы разрухи, голода. Чего только ни предпринимал, что ни делал, где ни работал, лишь бы спастись от гибели, избежать голодной смерти! Следователем работал в уголовном розыске, переводчиком, киноактером был». Сказали бы раньше студенту училища правоведения дворянину Алехину – только бы улыбнулся.

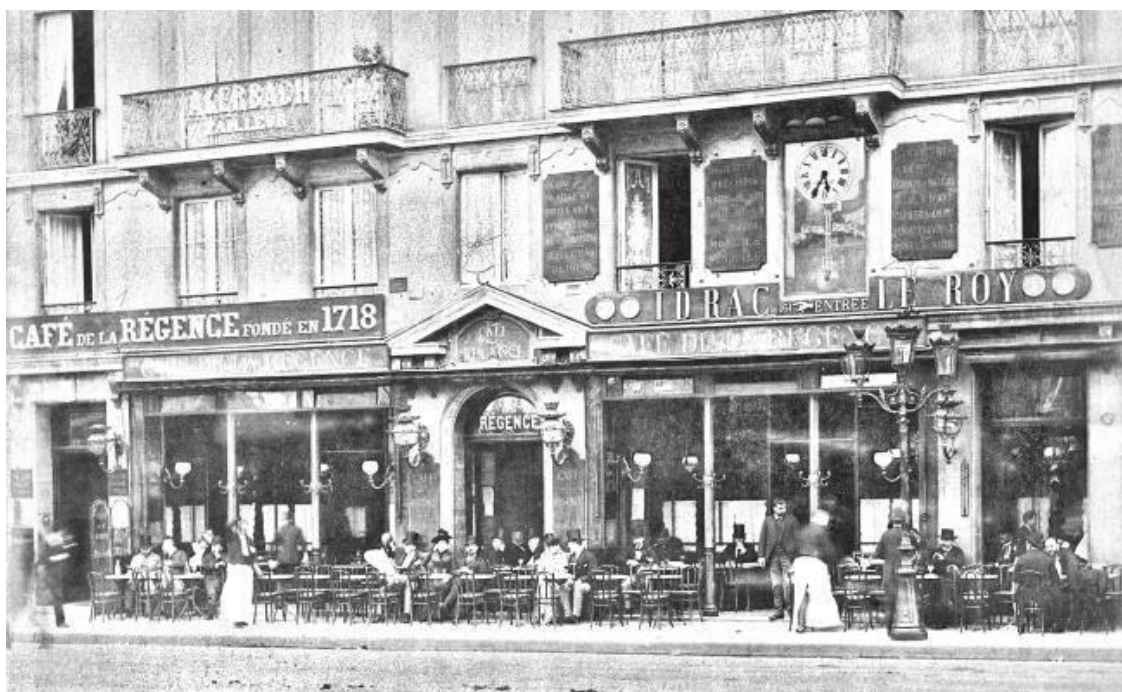
«Так велика ли цена твоим сегодняшним заботам? – спрашивал сам себя Алехин. – Что они значат? Нет денег – подумаешь, беда! Будут, все будет! И деньги будут и квартира. Главное – получил, наконец, возможность играть в шахматы, участвовать в международных турнирах. Несколько приглашений уже в кармане: Будапешт, Гаага, Лондон. И сеансы одновременной игры – это ведь тоже деньги и популярность. Теперь вспомнят гроссмейстера Алехина, очень скоро вспомнят! Умеет он играть в шахматы и заставит себя признать! Пусть сейчас на троне Капабланка, царствование его недолго будет безмятежным. Кубинцу придется пережить неприятные минуты, скоро придется. Русский лев вырвался из заточения, он теперь страшен. Берегись, “непобедимый” чемпион! Мы еще...»

Задумавшись, Алехин чуть не сшиб какого-то господина, и это вернуло его к действительности. Он уже поднялся к площади Этуаль и находился теперь у самой Триумфальной арки. Отсюда по многочисленным радиусам растекались потоки автомобилей и устаревших экипажей. Полюбовавшись величественным зрелищем, Алехин уже по другой стороне Елисейских полей пошел обратно к Лувру. Не дойдя до мрачного дворца французских королей, он свернул налево и вскоре оказался у здания оперы. Это было любимое место Алехина, отсюда начинался бульвар Капуцинов, потом Итальянский бульвар и Монмартр. Спросили бы его, почему он так привязался душой именно к этому месту Парижа, Алехин толком не смог бы ответить. Может быть, потому, что тень разбросистых каштанов, звонкие голоса продавцов и величавое спокойствие посетителей кафе создавали здесь атмосферу сердечности и обжитого уюта.

На углу бульвара Капуцинов и авеню Опера у Алехина развязался шнурок... Пока он соединял узлом непослушные тесемки, мимо него беспрерывным потоком шли приехавшие со

всех концов света туристы, юркие, шупленькие завсегдатаи кафе, элегантные женщины. Знаменитые парижские женщины: броские прически, подведенные глаза и неестественно тонкие талии. «Соблюдают диету», – подумал Алехин.

Мысль о еде вызвала вдруг острый приступ голода, и он уже не мог оторваться от витрины ближайшего магазина, за углом, где было выставлено все, что смог придумать изобретательный ум французских гастрономов. Рядом с огромной банкой розовых креветок лежали коробки со скумбрией и сардинами; черная кровяная колбаса хвасталась своим здоровьем перед лионской и совсем не замечала свисавших откуда-то сверху ожерелий бледных сосисок. Трусливо прижались друг к другу сторбившиеся напигигованные языки. Левая половина витрины была отдана во власть сырам. Колеса швейцарского сыра толкались здесь с круглыми головами сыров голландских; рокфор с голубыми прожилками покровительственно поглядывал из-под стеклянного колпака на обнаженный кантальский сыр и честер золотого цвета. Дальше шли горы фруктов, потом печенье, торты и пирожные с кремом и сбитыми сливками.

Кафе «Режанс». Начало XX века.

Тысячи пиявок присосались вдруг к желудку Алехина, нестерпимый приступ голода вызвал внезапную дрожь в ногах и руках. Идти дальше не было сил. Не в состоянии справиться с муками голода, Алехин зашел в магазин и вскоре вышел оттуда, неся в руках маленькую, завернутую в прозрачную бумагу колбаску-салями. Оглянувшись по сторонам, он жадно откусил половину колбасы и, тайком пожеывая, с безразличным видом пошел дальше.

Вскоре и остатки салями последовали за первой порцией.

Ощущение голода все же не исчезло, и Алехин один момент подумал: не поесть ли где-нибудь здесь, в ближайшем кафе? Затем он решительно повернул назад и зашагал уже быстрее, как человек, твердо знающий, куда направляется. Вскоре он опять был на площади Оперы и, пройдя с километр по авеню Опера, попал, куда стремился.

На маленькой боковой улочке недалеко от Лувра он увидел небольшое здание; вдоль всего фасада его крупными буквами было написано: «Кафе «Режанс».

Кафе «Режанс»! Сердце какого шахматиста не забьется учащенно при виде этого места! Как много значил в истории шахмат, да и всей культуры человечества этот маленький приют больших людей! Сколько смелых мыслей выношено в этом скромном на вид здании! Мир дол-

жен преклоняться перед этим форумом шахматного величия, столь же знаменитым для шахматистов, как кафе «Ротонда» или «Мулен-Руж» для писателей и художников.

Если бы велась Золотая книга посетителей кафе «Режанс», имена каких великих людей пришлось бы занести в этот список! Вольтер, Руссо и Дидро в стенах этого уютного местечка проводили свой досуг в жарких битвах за шахматной доской. Бывали здесь герцог Ришелье, маршал Сакс и физик Вениамин Франклин. Пришелец из далекой России – Тургенев – много раз выходил в этом кафе победителем самых трудных турниров.

А что говорить о шахматистах? На земле, пожалуй, не было ни одного крупного мастера, который не посетил бы кафе «Режанс». Пауль Морфи атаковал здесь незащищенных королей европейских шахматных корифеев; Вильгельм Стейниц отстаивал основы своего учения о позиционной игре. Франсуа Филидор – чародей музыки и первый неофициальный чемпион мира – провозгласил в этих стенах лозунг: пешки – душа позиции! Склонившись над шахматной доской, долгие вечера проводили в любимом кафе Андерсен, Чигорин, Мак-Доннель, Лябурдонэ. Эммануил Ласкер, Хосе Капабланка по приезде в Париж немедленно направляли свои стопы в маленькие уютные комнатки «Режанса».

Задержавшись у входа и с любовью разглядывая фасад здания, Алехин вспомнил легенду, связанную с этим историческим местом. Однажды вечером Робеспьер, уже став грозой роялистов, сидел в кафе «Режанс». Появился невысокий, прекрасно одетый юноша, бесцеремонно уселся за столик Робеспьера и расставил шахматные фигуры в первоначальное положение. Робеспьер автоматически ответил на первый ход неожиданного партнера. Завязался жаркий бой, юноша выиграл первую партию. Победил он и во второй. Два поражения возмутили Робеспьера.

– Может быть, вы хотите сыграть еще? – спросил сердито он юношу.

– С удовольствием.

Сыграли еще партию, Робеспьер опять проиграл.

– Вы знакомы с правилами этого кафе? – спросил Робеспьер. – Здесь всегда играют на ставку.

– Хорошо знаком, – поклонился вежливый юноша.

– Какова же ваша ставка?

– Голова человека, – прямо глядя в глаза грозному повелителю, ответил юноша. – Я ее выиграл, отдайте мне ее.

Робеспьер вынул из кармана лист бумаги и написал приказ об освобождении княгини Р., заключенной в Консьержери. Сообразительный маленький денди оказался женихом княгини.

Команда Парижа ведет по телеграфу из кафе «Режанс» матч с командой Вены. Гравюра по рисунку с натуры Мотти (1894 г.). В правом нижнем углу Розенталь, напротив него Чигорин.

Алехин вошел в кафе. Уже с порога посетитель понимал, что попал в место необычное. Около гардероба на низкой подставке стоял стеклянный ящичек, внутри его помещалась шахматная доска и резные фигурки, расставленные в первоначальное положение. Один белый конь лежал на боку, сбитый. «Упавший конь Наполеона», – подумал Алехин, вспомнив, что хозяин кафе, рекламируя свое заведение, изобразил с помощью шахмат случай из боевой жизни великого полководца.

Наполеон Бонапарт до того, как стал императором, часто играл в шахматы в «Режансе». Начинал он свои партии плохо, его первые ходы не были такими смелыми и уверенными, как в жизни. Если противник думал долго, Наполеон терял терпение, кривил губы и начинал барабанить пальцами по краю доски. Фигуры подпрыгивали, и позиция на доске путалась. Разве не так же трепетала от него Европа несколько лет спустя? Но настоящая беда разразилась, когда он проигрывал. Тогда властолюбивый генерал стучал кулаком по столу, и все летело с доски.

Алехин осмотрел кафе. Направо от входа в небольшом зале посетители ужинали, в зале налево рядом с обычными стояло несколько шахматных столиков. Алехин прошел сначала вглубь коридора, отсюда лестница вела наверх – в комнату, где играли в бридж. В углу на прищельца хмуро глядел бронзовый Морфи, на стенах висели карикатуры. Среди изображенных персонажей Алехин сразу узнал Тургенева. Все здесь сохранилось в том же порядке, что и восемь лет назад. Пусть мчится время, кафе «Режанс» было и остается шахматным! Что же до бриджа, так ведь на Западе шахматы и бридж уживаются рядом.

Алехин вернулся в шахматную комнату. «Раньше здесь бывало больше посетителей, – подумал он, оглядев десяток любителей, склонившихся над шахматами. – Времена все же не те! А может быть, еще рано?»

Пройдя мимо столиков, Алехин оглядел играющих и автоматически оценил положение на досках. Два аккуратненьких старичка замерли друг против друга в удивительно похожих позах, да и позиции их шахматных армий были абсолютно схожи. «Битая ничья», – сразу оценил положение на доске Алехин. За соседним столиком тяжело сопел толстяк, не находя защиты против атаки худого, нервного юноши. «Плохи дела у толстяка, нужно сдаваться», – молниеносно поставил гроссмейстер диагноз безнадежно больной шахматной пози-

ции толстого француза. Острая схватка за третьим столиком заинтересовала было Алехина, но он решил не задерживаться и, заняв свободное место за столом, покрытым белоснежной скатертью, принялся изучать меню.

Появился официант.

– Креветки, филе Шатобриан, соус беарнез, – распорядился Алехин. Помедлив секунду, добавил: – Бутылочку бургундского-помар и, конечно, кофе.

Вскоре Алехин с аппетитом уничтожал вкусную пищу. Вино приятно согревало и заметно кружило голову. «Без привычки, – про себя отметил Алехин. – Сейчас еще ничего, а вот в первый день приезда из Москвы в Ригу стало плохо». Первое блюдо быстро исчезло; на тарелках осталась лишь гора красно-коричневой шелухи. С завидной быстротой был съеден салат и поджаристый розовый цыпленок. Но и тогда Алехин еще чувствовал голод, однако решил не заказывать ничего больше, так как по опыту знал, что ощущение голода скоро пройдет. Просто это результат многолетнего недоедания.

Закурив сигарету, Алехин подвинул свой стул ближе к столику, за которым играли два старичка. Они начали новую партию, на этот раз ферзевым гамбитом. Механически наблюдая за ходом скучной баталии, Алехин задумался и вскоре унесся в мыслях совсем в иную страну, в другую обстановку.

«Вот старички играют здесь в шахматы, – подумал Алехин. – В комнате тепло, светло, в любую минуту можно получить кофе, сэндвич. А знали бы они, как мы играли! В нетопленых комнатах, окна выбиты. В пальто, в галошах играли, но и это не предохраняло от холода. Замерзали руки, нос, особенно ноги. Но мы играли! Думаешь над ходом, а под столом вытанцовываешь ногами польку-мазурку. В животе кошки скребли от голода, но мы играли. Можете вы так любить шахматы?! Еще хорошо, если имелась свеча, а когда кругом кромешная тьма? Я зажигаю спичку, держу ее, пока противник обдумывает ход... Пламя обжигает пальцы – каждая крупница огня на вес золота, – но я держу! Спичка кончилась, вновь темнота, виден лишь нестерпевший красноватый червячок. Теперь моя очередь думать над ходом. Новую спичку зажигает и держит противник. Чего только не случалось при таком освещении! «Вам шах, Александр Александрович!» – «Простите, Николай Дмитриевич, но вам самому шах!»

Первая значительная победа была одержана Александром в 17-летнем возрасте, тогда он выиграл Всероссийский турнир любителей, среди участников которого оказался самым молодым.

Воображение нарисовало ему еще одну картину. Турнир, большой турнир с сильнейшим составом, проведенный на руинах. Шахматный чемпионат Советской России, первая проба сил и мужества. Как нужно любить шахматы, чтобы играть в подобных условиях! Потомки сложат легенды о беспримерной шахматной баталии!

«1 октября в Москве состоится шахматный турнир, – вспомнил Алехин текст необычных телеграмм, посланных год назад по всем военным округам РСФСР. – Приказываю широко

оповестить округ о настоящем турнире. Не позднее 15 сентября представить Москву Главупр-всеобуч сведения желающих участвовать турнире. О допущенных к участию будет сообщено телеграфно.

Замначглаунрвсеобуча Закс».

Военный приказ есть приказ! Вскоре беззаветный энтузиаст шахмат комиссар Всеобуча Ильин-Женевский получал ответы. Порой они были забавны.

«Препровождая при сем заполненный анкетный лист на шахматиста Д. Н. Павлова, – писал военачальник из Чернигова, – сообщаю, что означенный тов. Павлов будет выслан в г. Москву к 1 октября с. г.».

Потом турнир, самоотверженность беспредельно любящих шахматы организаторов. Жесткие койки в холодных казармах, скудная красноармейская пища. Что хотите на обед: голову селедки или хвост? Люди терялись в такой обстановке, их поступки ошеломяли.

«Ввиду значительного ухудшения продовольственного положения, считаем необходимым заявить, что при создавшихся условиях мы не в состоянии продолжать турнир и вынуждены его прекратить с воскресенья 17 октября в случае неудовлетворения следующих требований:

1. Выдача аванса в размере 15 000 р. на человека.
2. Немедленная выдача оставшегося сыра на руки участникам.
3. Увеличение хлебного пайка или компенсация хлеба другим способом.
4. Немедленная выдача папирос.

П. Романовский, А. Куббель, И. Рабинович, Д. Данюшевский, А. Мунд, Г. Левенфиш».

«И все-таки закончили турнир! Какие партии играли, многие из них – настоящие художественные произведения. Какой пешечный эндшпиль я свел вничью против Ильина-Женевского! Казалось, дело черных безнадежно. В перерыве я написал целую тетрадь вариантов. И доказал – ничья! Красивейшая, этюдная ничья! Единственный ход а-шесть, а-пять – и ничья! Темп в темп, белые ничего не могут сделать!»

Александр Алехин, 1921 г. После победы во Всероссийской шахматной олимпиаде 1920 г. Алехин уехал из СССР.

Перед мысленным взором Алехина предстала интересная позиция со всеми подробностями. Он увлекся, и начал было анализировать тонкости игры, вспоминать красивые, этюдные ходы. Однако неожиданное движение и шум отвлекли его от воспоминаний.

Подняв голову, Алехин увидел, что к столику, около которого он сидел, подошел, видимо, только что прибывший господин. Высокий и стройный, несмотря на солидный возраст и седину, он передвигался по комнате, слегка откинув набок голову, с сознанием собственной важности. Пришелец поздоровался с играющими и едва кивнул головой Алехину – вежливый

человек! Шахматисты оторвались на момент от игры и приветствовали господина Ришара, как они его называли. Сражения возобновились вскоре с прежним азартом, однако былой тишины и спокойствия уже не было. Едва ознакомившись с положением на доске, господин Ришар стал высокомерно критиковать ходы старичков, сопровождая их безапелляционными и порой обидными замечаниями. Те лишь согласно кивали головами – видимо, велик был для них авторитет пришельца.

Алехин с интересом разглядывал непрошенного комментатора. Приглаженные волосы, узкий лоб, густые нахмуренные брови, тонкие злые губы. Властный трескучий голос человека, привыкшего повелевать. Сразу видно: господин богатый и, уж во всяком случае, важный.

Алехин был настроен благодушно после сытого ужина в уютной обстановке. Тепло, светло, ветер не дует! Что ему до этого француза! Пусть говорит, что хочет. Однако трескучий голос и нелепые замечания Ришара постепенно начали раздражать Алехина, особенно когда они становились явным надругательством над всеми законами шахмат.

Но даже и тогда он долго не решался вмешаться в действия и трескотню француза. «Ну его, буду лучше молчать!» – сдерживал сам себя Алехин, хотя проказливый бесенок где-то внутри не раз подталкивал его проделать какой-нибудь забавный фокус с беспардонным господином. Француз разбирался в шахматах плохо, и опровергнуть его предложения не представляло никакого труда.

Когда одно из замечаний Ришара оказалось слишком уж нелепым, Алехин не выдержал.

– Мат в два хода! – заявил француз и, не обращая внимания на играющих, передвинул на соседнюю вертикаль белую ладью.

Алехин молча показал пальцем возможность защиты. Мата не получалось.

– О, вы разбираетесь в шахматах! – с издевкой воскликнул господин Ришар, обращаясь уже к Алехину. – Приятно! Может, вы удостоите нас, покажете ваше искусство.

Француз указал кивком на соседний столик, где уже были расставлены фигурки. Алехин сел за шахматы и автоматически, по привычке выровнял строи фигур. Так пианист-виртуоз перед началом концерта иногда пробегает быстрыми пальцами по клавишам рояля.

Ришар имел белые фигуры. Перед тем как сделать первый ход, француз снял с доски свою ферзевую ладью, одновременно передвинув крайнюю пешку на поле а-три.

– Это почему? – спросил Алехин. Он знал, что такую огромную фору дают обычно мастера совсем слабым шахматистам. При даче вперед ладьи крайняя пешка белых передвигается на поле вперед. Алехин много раз сам давал разнообразные форы противникам, вплоть до ферзя, но получать ладью вперед?! Этого с ним не случалось в последние четырнадцать лет!

Ришар охотно пояснил свои действия.

– Видите ли, молодой человек, я делаю это для того, чтобы вы поняли мое благородство, – любуясь собой, произнес француз. – Я мог обыграть вас на равных, однако это было бы не честно. Я – чемпион этого кафе и обязан давать фору неизвестному игроку. Начнем с ладьи. А пешку продвигаю, чтобы была защищена.

– Может быть, попробуем на равных, – робко попросил Алехин.

– Нет, нет! – протестовал Ришар. – Да чего вы упрямитесь! Ведь играть будем на деньги – пять франков партия. Или, может, вас это не устраивает?

В голове Алехина вдруг родилась забавная мысль; шаловливый бесенок любопытно выглянул из своего тайного убежища. Сражение началось.

Француз начал партию королевской пешкой, Алехин ответил аналогичным продвижением. Ришар играл примитивно – все свои фигуры он направлял против черного короля. Алехин для приличия отразил несколько угроз противника, но сам ничего не предпринимал. Сделав ходов пятнадцать, русский чемпион решил, что пора кончать с этой партией, тем более, что для этого, к счастью, подвернулась удобная возможность. Когда Ришар направил своего

ферзя под защитой слона на крайнюю королевскую пешку черных, Алехин не стал защищать ее и сделал безразличный ход на другой стороне доски.

Француз со стуком забрал алехинскую пешку аш-семь.

– Мат! – произнес француз и внимательно посмотрел сначала на противника, затем по сторонам. Видел ли кто-нибудь его блестящую победу? Выждав несколько секунд, может быть, затем, чтобы дать побежденному возможность понять, что произошло, Ришар добавил: – Так-то, молодой человек!

Лицо Алехина выразило растерянность и смущение, но он не забыл вновь расставить фигуры в начальное положение. На этот раз он взял себе белые. Так же, как недавно господин Ришар, Алехин снял с доски свою ферзевую ладью и передвинул пешку на а-три.

– Что это значит?! – поднял брови француз.

– Вы тоже так делали, – пролепетал Алехин.

– Я! – вскричал Ришар, нарушив тишину кафе. Играющие на миг оторвали взоры от досок и посмотрели в сторону соотечественника. – Нашли с кем себя сравнивать! – возмущался Ришар. – Я, молодой человек, уже пятнадцать лет обыгрываю здесь всех! Пятнадцать лет! А вы мне ладью вперед! Только что вы проиграли, имея ладьей больше. Мат получили. Как вам не стыдно предлагать мне такую фору?!

Алехин смущенно молчал и лишь пожимал плечами.

– Давайте все же попробуем, – умолял он жалостным тоном. – Я согласен даже удвоить ставку. Десять франков партия.

– Ах, вы миллионер! – издевался господин Ришар. – У вас много денег!

Презрительно оглядев противника, Ришар принял боевую позу:

– Хорошо, давайте! Это будет вам хорошим уроком!

Начали вторую партию. Алехину нелегко было делать ходы на уровне первой встречи и не выдать свою настоящую силу. Несколько раз он мог провести выигрывающую комбинацию, затем ему предоставлялась возможность интересной жертвы. Но он удержался: ведь так можно испортить весь спектакль. «Осторожно! – приказывал сам себе Алехин. – Только бы француз ни о чем не догадался!»

Тем временем господин Ришар купался в собственном величии. Он искоса поглядывал на Алехина; передвигая фигуры, со стуком ударял ими по шахматной доске. Положение французa постепенно ухудшалось: гроссмейстеру нетрудно было выиграть у такого шахматиста даже без ладьи. Белые фигуры сгруппировались в ударный комок и прорвали центр. Теперь недалеко и до резиденции неприятельского короля.

Алехин выиграл коня, и через ход противник уже не имел защиты от мата. Ришар с минуту удивленно смотрел то на доску, то на Алехина. Тот сидел с таким видом, будто случайно объявил мат. «Сам не понимаю, как это получилось!»

Ришар смещал фигуры.

– Я грубо ошибся, – прокомментировал он собственную игру. – Защитись я конем, сдаваться пришлось бы вам.

Француз потыкал пальцем в полированные клеточки шахматного столика, показывая возможную защиту. Алехин согласно кивал головой, как ученик, запоминающий наставления учителя.

Выиграй Ришар вторую партию, он, возможно, отказался бы от дальнейшей борьбы. Но проигрыш задел его. К тому же, если он кончил бы играть, теперь ему пришлось бы платить пять франков – разницу в ставках. Чемпион «Режанса» вновь расставил фигуры.

Опять француз дал Алехину ладью вперед. Тот не противился – это входило в его планы. Теперь уже Ришар не стучал фигурами, не было и презрительных взглядов. Он, как рыба, был уже на крючке, и Алехин даже не старался больше изображать из себя слабого игрока. Ходу на двадцатом он подставил под бой собственного ферзя, затем ладью и сдался.

Четвертая схватка протекала аналогично второй. Вновь атака Алехина, вновь прорыв уже на королевском фланге и вновь капитуляция француза. С минуту Ришар сидел неподвижный, внимательно смотря в лицо противнику. Вдруг его осенила идея.

– Нам нужно сыграть на равных, – предложил француз. Алехин не знал, что делать. Забавная рожица бесенка выразила на миг растерянность, но вскоре он снова захихикал.

Первую партию на равных Алехину удалось свести вничью лишь с большим трудом. Он облегченно вздохнул, когда объявил вечный шах. Нелегко было и во второй. Ришар играл так плохо, что только изобретательность Алехина помогла ему истребить все фигуры на доске. Когда у каждой стороны осталось всего по королю, был заключен мир.

Ришар совсем растерялся. Он поспешил вернуться к прежним условиям, но неизменно выигрывал, когда имел ладьей меньше, и так же обязательно терпел поражение, когда у него в начале игры были превосходные силы. Творилось что-то непонятное!

– Ничего не понимаю! – воскликнул, наконец, господин Ришар. – Играем на равных – ничьи: значит, наши силы примерно равны. Но я даю вам ладью и выигрываю, то же происходит, когда ладьей меньше у вас. Чепуха какая-то!

Близился конец придуманной шутки. Выдержав паузу, Алехин тихо и неуверенно произнес:

– Мне, конечно, трудно... советовать вам, – начал он, глядя в глаза француза. – Вы чемпион... Если бы вы согласились выслушать мое мнение... Осмелюсь сказать... эта толстая штука, – Алехин показал пальцем на ладью, – она... только мешает...

Губы Ришара искривились в усмешке. Ладья мешает? Вторая по силе фигура на доске – и вредит собственной армии. Бред какой! Но в глаза француза глядели такие невинные, такие светлые голубые глаза, что он начал уже верить в то, что ладья – помеха. Иначе, чем еще объяснить странную закономерность?

Алехин искусно выдержал сцену: недаром он когда-то учился в киностудии у известного артиста Гардина. Он сидел невозмутимый и хладнокровный. А в это время бесенок совсем вырвался на свободу. Пристроившись на краю шахматной доски, он плясал, хихикал, строил уморительные рожицы.

Чем бы все это кончилось, неизвестно, если бы в напряженной тишине не раздалось вдруг неожиданное восклицание:

– Алехин! Александр! Какими судьбами?!

Невысокий, лысоватый мужчина средних лет стоял рядом со столиком, за которым велась странная шахматная баталия. Пришелец смотрел на Алехина живыми, лукавыми глазами с косинкой, блеск их можно было заметить даже за холодными стеклами пенсне. Вид его выражал неподдельную радость.

– Савелий! – воскликнул Алехин и вскочил со стула. Друзья обнялись, обмениваясь обычными при встрече восклицаниями, за ними с любопытством наблюдали посетители кафе.

Савелий Тартаковер (1887–1956) слева и Эдуард Ласкер (однофамилец второго чемпиона мира Эммануила Ласкера).

Имя гроссмейстера Савелия Тартаковера было хорошо известно в «Режансе», да и во всей Франции. Уроженец Ростова, он еще до войны много раз бывал в Париже и теперь считался одним из сильнейших и оригинальнейших шахматистов мира.

Пока длилось возбуждение и суматоха неожиданной встречи, растерянный господин Ришар не спускал глаз с Алехина. Выбрав удобный момент, он тихо спросил у Тартаковера:

- Это какой Алехин?
- Русский гроссмейстер Александр Алехин, – ответил Тартаковер.
- Это который в Петербурге... занял третье место?
- Да. Именно он.

Господи, а я-то ему ладью вперед! – схватился за голову Ришар. Впрочем, его отчаяние длилось недолго: характер господина Ришара не позволял ему долго сокрушаться. Вскоре он уже ходил от одного столика к другому, и до Алехина доносились обрывки слов, высокомерно произносимых тем же трескучим голосом:

– Да, гроссмейстеру Алехину... да, тому самому! Ладью вперед... И знаете, я выиграл все партии!

– Что ж, с приездом, Саша! – Тартаковер поднял бокал искрящегося вина, в хрустале промелькнул отблеск уличного фонаря. Друзья ушли из «Режанса», где внимание шахматных любителей становилось утомительным, и сидели теперь за столиком под навесом в одном из ближайших уютных кафе. Вечером здесь бывало сравнительно тихо; лишь изредка мимо проплывала целующаяся на ходу парочка или солидная семейная пара, спокойно и бесстрастно беседующая о своих домашних делах.

– Ты молодец! Не каждому удастся убежать от большевиков, – похвалил друга Тартаковер.

– Как – убежать?! – изумился Алехин.

– Ножками, – усмехнулся Савелий и перебрал пальцами по столу, имитируя быстрый бег.

Алехин пожал плечами, вынул из бокового кармана большой потрепанный бумажник, очевидно, приспособленный для советских миллионных и миллиардных банкнот, и протянул Тартакову сложенную вдвое бумагу. Тот прочитал:

– Советский паспорт... Разрешение выехать на международные турниры в Гаагу, Будапешт... Действителен на несколько лет.

Тартаков долго и внимательно изучал документ, выданный неизвестной ему и, судя по сообщениям газет, жуткой властью.

«Нар-ком-ин-дел, – по складам прочитал Тартаков. – Карахан», – с трудом разобрал он подпись. – Это кто такой?

Народный комиссар по иностранным делам, – разъяснил Алехин. – Сокращенно: наркоминдел.

Забавные словечки попадают у них в газетах, – улыбнулся Тартаков. – Я иногда читаю «Известия». Так сокращают, черт ногу сломает! Зам-нач-глав-упр-пром-снаб. Неплохо! А еще: зам-ком-помор-дел.

– Это откуда ты взял? – засмеялся Алехин.

– Боголюбов сказал.

– Ну, это уже из области анекдотов, – объяснил Алехин.

– Что, так теперь и разговаривают в Москве? – Тартакова интересовало все, что можно было узнать о стране, в которой он родился.

– Нет, только пишут. Хотя, конечно, многие слова входят и в речь. Большевики во все хотят внести свое, новое, даже в язык.

«Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем», – продекламировал Тартаков «Интернационал». – А что такое субботник? – журналиста и остроумного публициста, его, понятно, интересовали и новые слова в родном языке.

– Субботник? – переспросил Алехин. – Малоприятная вещь. Это когда тебя будят в пять утра, и гонят на мороз грузить дрова или убирать снег. Не обязательно в субботу. Чаще всего в воскресенье, в единственный день отдыха.

– Я видел фотографию: Ленин грузит бревна на субботнике. Это правда?

– Да. Он вообще старается ничем не отличаться от простых людей.

– Пишут, что Ленин отлично играет в шахматы? И это верно? – спросил Тартаков.

– Играет неплохо. Когда-то он даже играл по переписке с Хардиным. Но это было давно, в ссылке.

– Я читал, он решил труднейший этюд Платова, – вспомнил Тартаков. – Помнишь: король же-три, слон е-семь, конь же-один. Пешки дэ-три и аш-пять. Черные: король е-три, пешки а-два, дэ-пять и аш-семь.

– Знаю. Выигрывает слон эф-шесть, дэ-четыре, конь е-два, а-один, ферзь, конь цэ-один, – мысленно объяснил решение Алехин. – «Красивая штучка!» – написал Ленин брату об этом этюде». И действительно, красивая!

– А сейчас он играет в шахматы? – поинтересовался Тартаков.

– Что ты! Разве ему теперь до шахмат!

– Очень плохо в Москве?

– Ужас! Ты себе представить не можешь! Голод. Сто граммов черного хлеба в день – это уже пир. Шахматными досками «буржуйки» топят. Полированные короли трещат в огне.

Подошел официант. Тартаков заказал себе омлет, кофе. Алехин решил было ничего больше не заказывать, но выпитое вино вызвало аппетит.

– Тоже омлет, – против собственной воли произнес он.

С минуту собеседники молчали, наслаждаясь теплым вечером, видом красивой, ярко освещенной улицы. Потом Тартаков сказал:

– Тебя нужно поздравить! Ты выиграл турнир в Москве. Первый советский чемпион.

– Если бы ты только знал, что это был за турнир, – покачал головой Алехин. – В холоде, голодные играли.

– С пустым животом в цейтноте – это действительно трудно, – усмехнулся Тартаковер. – «Съел коня» – В таком турнире звучит как издевательство.

– Коня! Если бы можно было найти коня! Ну ладно, что мы все обо мне! – махнул рукой Алехин. – Как ты-то? Как устроился?

– Ничего, – неопределенно протянул Тартаковер.

– Ты женат?

– Зачем? В Париже-то!

– Ты будешь играть в Гааге?

– Я обязан играть в каждом турнире, куда меня приглашают, – ответил Тартаковер. – У шахматистов ведь нет акций, не с чего стричь купоны.

– А что это за новое течение вы провозгласили в шахматах? – Что-то в тоне ответа коллеги подсказало Алехину, что больше не следует расспрашивать о его жизни и лучше переменить тему разговора. – Ты, Рети, Брейер.

– Ультрамодернизм, – ответил Тартаковер.

– Это что-то из области живописи.

– Почему? – развел руками Тартаковер. – Как раз подходит и к шахматам. Нельзя стоять на месте, сто лет жить законами Стейница. Жизнь идет вперед, нужны новые формы.

– И что за формы? Фианкеттирование слонов. Фигурами против пешек.

– Хотя бы!

– Но это же не ново! – воскликнул Алехин. – Это еще встречалось в партиях Чигорина.

– Ничто не ново под луной, – протянул Тартаковер. – Искусство состоит в том, чтобы по-новому пересказать старое. Мы и тебя считаем апостолом ультрамодернизма.

– Нет уж, избавьте! Мы как-нибудь по-старому. Кстати, как старички? Я еще ничего не знаю.

– Что сказать?! Тарраш со всеми воюет, хотя уже меньше. Рубинштейн стал иным. Видно, подорвала его война, играть стал значительно слабее.

– С Капабланкой бороться не собирается?

– Ему теперь не до этого! Хотя старый ореол Акибы еще сказывается: многие до сих пор считают его претендентом на мировое первенство.

– А что Ласкер? Расстроен?

– Еще бы не расстроиться: проиграл четыре – ноль. Старик закрылся в Берлине, нигде не хочет играть.

– Говорят, они поссорились с Капабланкой?

– Ласкер обиделся на письмо, написанное Капой перед матчем. Кто прав – трудно разобраться! – развел руками Тартаковер.

Некоторое время царило молчание. Видимо, гроссмейстеры вспоминали все известные им подробности борьбы за шахматный трон.

– И почему это шахматисты, народ, в общем-то, мирный, дружный, начинают ссориться, когда дело доходит до борьбы за мировое первенство? – произнес Алехин.

– Слава, – с улыбкой отвечал ему Тартаковер. – Пусть только в шахматах, но все же слава. Сильнейший шахматист планеты! Ты собираешься посылать вызов Капабланке?

– А ты?

– Я что! Просто сильный игрок, знающий, что играю слабо.

– Скромничаешь! Я бы послал вызов, но где взять денег? – задумчиво произнес Алехин.

Тартаковеру давно было известно честолюбие русского чемпиона и его мечты о шахматной короне. Сам он, действительно, давно уже решил для себя, что чемпионом мира не будет, и ему легче, чем другим, было рассуждать на тему о шахматном господстве.

- Денег, – протянул Тартаковер. – А в Москве не дадут?
- Что ты? Разве там до этого!
- Тогда женись на миллионерше, – пошутил Тартаковер. – Вези ее обратно в Москву. Ты ведь здесь в командировке. – Тартаковер показал на боковой карман пиджака Алехина, куда тот спрятал советский паспорт. – Обратно поедешь?
- Посмотрим, – уклонился от ответа Алехин. – Пока я собираюсь как можно больше играть в шахматы. Во всех турнирах, так же, как и ты.
- Мне кажется, у тебя есть все основания вызвать Капабланку, – уже серьезно вернулся к главной теме шахматистов Тартаковер. – А кто еще?
- А деньги? Кто даст? Нужно найти богатых меценатов, а меня на Западе еще мало знают.
- Возьми десять первых призов в турнирах – сразу узнают, – предложил Тартаковер. – Появятся и меценаты и деньги.
- Спасибо за совет, – поблагодарил Алехин. – Ты смотрел последние партии Капабланки? Здорово играет?
- Неподражаемо! Шахматная машина. Ни одной ошибки! Ласкер ничего не смог с ним поделаться. Причина проигрыша Ласкером матча – не только гаванская жара.
- А ты не думаешь, что эти восторги несколько преувеличенны? – высказал сомнение Алехин.
- А ты хоть раз выиграл у Капабланки? Нет. Я тоже нет. А кто выигрывал? И это когда он еще не был чемпионом мира! Сейчас он в ореоле славы, а слава всегда прибавляет шахматисту силу.
- Значит, и ты вместе со всеми, – с иронией произнес Алехин. – «Можно ли выиграть у Капабланки?», «Чемпион всех времен!» – процитировал он заголовки газетных статей.
- Почему! Я просто объективно расцениваю его силу.
- Я читал, он стал теперь дипломатом? – поинтересовался Алехин.
- Да, – объяснил Тартаковер. – Дипломатом, но без дипломатических обязанностей. Может разъезжать, куда хочет, за счет государства. Должности нет, зато есть деньги.
- И здесь фортуна на его стороне. – Алехин вздохнул. – Ничего, будем работать! Сегодня все-таки лучше, чем вчера. Так ты говоришь, нужно взять десять первых призов?!

2

В жаркий июньский день тысяча восемьсот девяносто второго года после сиесты сеньор Капабланка-и – Граупера играл у себя в конторе в шахматы. Партнер его жил рядом с конторой и по-соседски частенько навещал Капабланку, чтобы сыграть партию-другую. Никто не мешал им, лишь редкий посетитель отрывал иногда хозяина на несколько минут, затем он вновь возвращался к увлекательному занятию.

Сеньор Капабланка не был силен в шахматах, но, как и многие его соотечественники, любил мудрую игру древности. Какой кабальеро не мечтал стать умелым в игре, популярной на острове! Во второй половине девятнадцатого столетия Гавана была выдающимся шахматным центром. Красота города, щедрое гостеприимство, более чем щедрые гонорары, добрые симпатии и интерес кубинских любителей притягивали сюда выдающихся мастеров шахмат. Здесь была атмосфера, насыщенная шахматами и шахматными событиями.

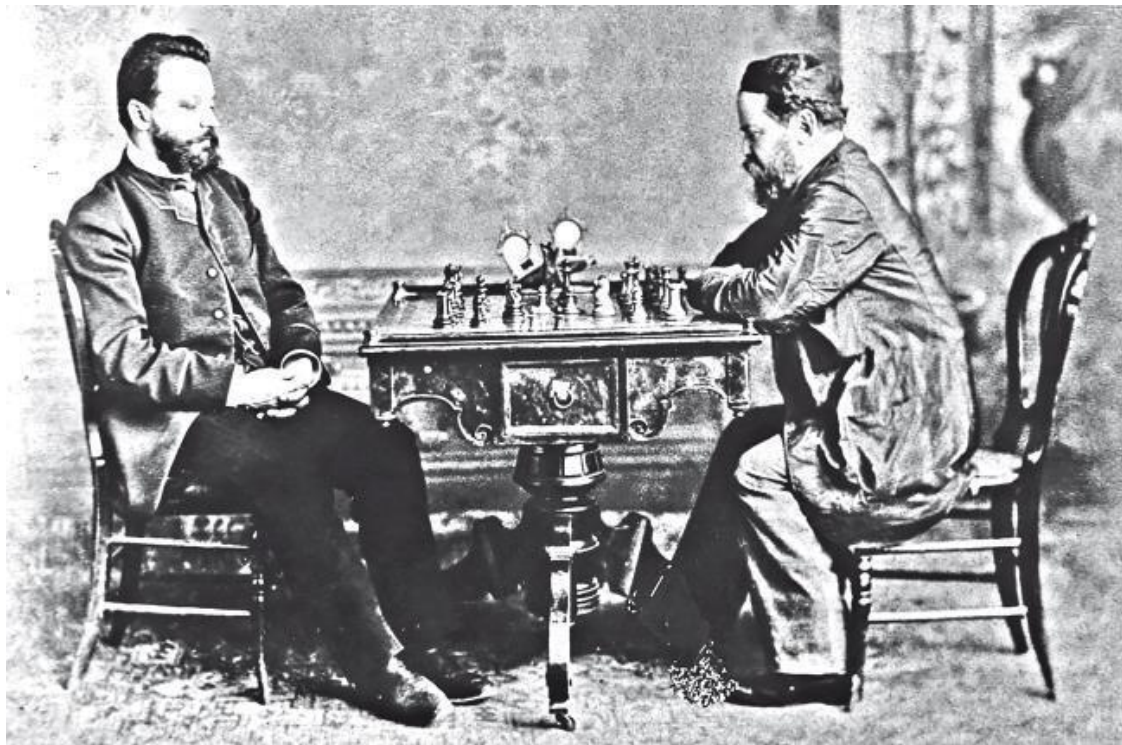
Хосе Рауль Капабланка против Александра Алехина. Москва, 1913 год. Молодой дипломат Капабланка (по окончании университета он получил формальную должность в правительстве) путешествовал по всему миру. В 1913 году побывал в Петербурге, где впервые обыграл талантливого студента-правоведа Алехина.

Фото с Петербургского турнира 1914 года, слева направо: Эмануэль Ласкер, Александр Алехин, Хосе-Рауль Капабланка, Фрэнк Маршалл, Зигберт Тарраш

На Кубе не жалели денег на турниры и матчи. Много раз жители острова бывали свидетелями выдающихся схваток полководцев деревянных армий. Капабланка помнил визит в столицу Кубы гениального Поля Морфи и его партии с чемпионом острова – талантливым рабом-негром Феликсом. А совсем недавно Гавану навестил бородатый Вильгельм Стейниц. Во второй раз отбил он здесь попытку русского виртуоза Чигорина отобрать у него шахмат-

ную корону. Правда, второй матч Чигорин играл значительно лучше, чем первый. Он уже имел отличные шансы на победу, как вдруг в решающей партии просмотрел мат в два хода. А позиция была совершенно выигрышна для русского. Ужасный просмотр! Капабланка хорошо запомнил эту позицию, не раз показывал ее соседям. Те лишь сокрушенно качали головами – бедный русский. Такое невезенье!

Михаил Чигорин и Вильгельм Стейниц в матче на первенство мира 1892 г. в Гаване (в то время колония Испании)

Сегодня партия сложилась на редкость интересно: Капабланка напал на белого короля, сосед тоже не зевал и готовил опасные ответные угрозы. Соперники так глубоко забрели в дебри шахматных вариантов, что не заметили, как открылась входная дверь, и тихонько вошел сын хозяина четырехлетний Хосс. Большие голубые глаза мальчика широко раскрылись при виде интересных фигур, пушистые ресницы почти коснулись бровей. Какая замечательная игра! Хитрые взрослые, оказывается, тоже играют в игрушки, но прячутся для этого от детей. Какая хорошенькая круглая фигурка! А эта! А эта! Ведь это лошадка! Еще одна! Белая, черная! Как ловко они скачут с белой клеточки на черную!

Отец молча обнял Хосе. Не мешай! Но он и не собирался мешать, только бы не выгнали! Широко раскрытыми глазами глядел Хосе, как через восемь полей пронеслась высокая фигурка с резным венчиком, как под ее натиском неловко потеснился на одну клеточку рыцарь с короной на голове.

Выиграл отец. Потом была еще одна партия, потом еще. Стемнело, когда отец увел Хосе домой. Мальчик был настолько ошеломлен, что забыл спросить, как называется эта игра.

Но он не забыл на следующий день вновь прийти в контору. Отец с соседом опять засел за шахматы. Вновь по доске носились толстые круглые башенки (партнеры в редких восклицаниях их называли ладьями), опять упорно лезли вперед, сметая все на пути, пешки.

– Мат! – прервал молчание отец, и сосед вновь расставил фигурки в первоначальное положение. Завязалась новая битва. На этот раз сосед теснил армию сеньора Капабланки. Катастрофа казалась неизбежной. Вдруг Хосе увидел, как отец взялся за коня и сбил им неприятеля.

тельского ферзя. Это вызвало панику в рядах наступающего. Белые фигуры смешались, побежали назад, ища спасения у собственного короля. Но что могла сделать эта малоподвижная фигура, как она могла защитить свое разбитое войско? Армия неприятеля ворвалась в лагерь белых, и торжествующий отец еще раз объявил мат.

Противники собирались уже начать третью партию, как вдруг тишину пререзал звонкий голосок Хосе.

– А ты сплутовал, папа! – протянул лукаво мальчик, снизу глядя в глаза отца. Тот возмутился:

– Я... сплутовал?! Как ты смеешь так говорить!

Хосе испугался грозного тона отца, тем более что сосед тоже в недоумении глядел на мальчика. На глазах Хосе появились слезы. Но он не сдавался.

– Да, да, ты обманул, – повторил Хосе. – Ты сделал неправильный ход.

– И как же я сплутовал? – уже спокойно спросил сеньор Капабланка сына.

– Ты пошел конем с белого поля на белое, – пояснил обрадованный мальчик. – И при этом взял белого ферзя.

– Интересно! А откуда ты знаешь шахматы?

– Я тебе сейчас покажу, – приблизился к доске Хосе и воспроизвел на доске все события недавнего сражения. Удивленный отец с восторгом следил за действиями сына.

– Где ты научился играть? – смеясь, спросил он мальчика.

– Здесь, вчера. Ночью я долго вспоминал, как ходят фигурки. Не сердись, папочка, ты просто ошибся.

Хосе оказался прав: оба взрослых не заметили, что черный конь сделал недозволенный прыжок. Не оставалось ничего иного, как сыграть с сыном. Самоуверенный родитель дал малышу ферзя вперед. Это кончилось для него плохо. Хосе с завидной уверенностью реализовал свой материальный перевес. Это была первая победа шахматного гения – предвестник его грядущего триумфального шествия по всем странам мира.

Хосе был незаурядным ребенком, у него оказался тот таинственный талант, который проявляется лишь у немногих. Большинство людей, глядя на шахматную доску, видят лишь безжизненные кусочки дерева на квадратах доски. Капабланка видел в шахматах живую, движущуюся картину, в которой проявляли свою силу ферзи, ладьи и пешки. Обычный ум должен иметь время, чтобы обдумать возможные варианты, Капабланка мгновенно определял все возможности. Став взрослым, он сам не мог объяснить этого. Он просто «видел» – и все!

Природа щедро одарила маленького Хосе Рауля, но известно, что одного дарования недостаточно для полного развития таланта. Сколько вундеркиндов погибло из-за отсутствия подходящих условий для развития, сколько дарований увядало в руках неумных воспитателей. Талант ребенка – вещь хрупкая и нежная, только заботливое и умелое обращение способствует его совершенствованию. К счастью, Хосе Рауль имел таких воспитателей. Осторожно вели они мальчика по трудной лестнице шахматной славы и жизненного пути, бережно поддерживая в опасных местах, предупреждая угрозы, убирая с его пути преграды.

Шахматный турнир в Нью-Йорке, 1915 г.

На переднем плане Хосе Рауль Капабланка, Эммануил Ласкер, Джейкоб Бернштейн и Фрэнк Джеймс Маршалл.

Заботливый отец избавил мальчика от губительных перегрузок. В итоге он получил правильное, всестороннее развитие. Только когда ему исполнилось восемь лет, Хосе разрешили посещать шахматный клуб, да и то лишь по воскресеньям. Однако одного дня в неделю оказалось достаточным: в тринадцать лет Хосе стал чемпионом острова. Юноша поступил в Колумбийский университет, но не инженерные науки владели его мыслями. Хосе с головой окунулся в водоворот шахматной жизни Американского континента. Турниры, сеансы, матчевые встречи окончательно отшлифовали его шахматный талант. В 1909 году Капабланка побеждает в матче знаменитого чемпиона США Фрэнка Маршалла, и этому мало кто удивляется.

Американский континент был завоеван, но оставалась еще неверящая, враждебная Европа. Когда кубинский герой приехал в одиннадцатом году на турнир в Сен-Себастьян, опытные турнирные волки не хотели допускать его к состязанию избранных.

– Капабланка недостоин играть в турнире такого состава, – вслух заявил гроссмейстер Осип Бернштейн.

Дорого поплатился он за неосторожные слова. Все-таки допущенный к турниру Капабланка по иронии судьбы встретился в первый день именно с Бернштейном. В итоге кубинец разгромил позицию высокомерного европейца и получил специальный приз за эту партию, как за красивейшую. А потом и первое место в состязании. Новичок оказался крепким орешком.

Вскоре последовал новый успех – второй приз в Петербурге четырнадцатого года.

– Вызывай на матч Ласкера, – советуют друзья, и кубинец предпринимает первые шаги к матчу за мировое первенство. Но как это трудно! Оказывается, существует очередь желающих водрузить себе на голову шахматную корону. Первый в очереди Акиба Рубинштейн, а там еще Александр Алехин, Арон Нимцович. Всех не перечесть!

– Чем он лучше других, этот американец? – ворчали знатоки. – Почему именно он должен играть с Ласкером? Разве не доказал чемпион мира, что он сильнее Капабланки? Как он разделал его в решающей партии в Петербурге!

Может быть, кубинцу пришлось бы преодолеть много препятствий, возможно, его матча с Ласкером и вовсе не было бы, если бы дело в свои руки не взяла всемогущая фортуна. Вновь поддержала она своего любимца в решающий момент. Правда, способ, которым она оказала помощь, был жесток и безжалостен. Страшная война выбила из формы Рубинштейна, ослабила Ласкера и вовлекла в горнило своего пожара Алехина. И это в то время, когда сам Хосе Рауль беззаботно путешествовал по странам Америки, накапливая опыт для грядущих сражений. Когда отгремели последние залпы орудий, перед Эммануилом Ласкером остался только один реальный конкурент – Капабланка.

Еще в одном услужила Капабланке фортуна. Жизнь шахматного профессионала трудна: от каждого очка в турнире, от каждой ничьей зависит благополучие, а порой и кусок хлеба. Для кубинца и здесь нашлось счастливое решение. Его маленькая родина сумела помочь своему любимцу, избавив от житейских забот.

Эммануил Ласкер (1868–1941), второй чемпион мира по шахматам

Тяжело было стареющему, уставшему Ласкеру выдерживать натиск молодого, полного сил и энергии претендента. Чемпион пробовал было ставить особые условия будущего матча, потом, обиравшись на неудачное выражение в письме Капабланки, публично отказался в его пользу от шахматного престола. Но шахматный мир не принял добровольной отставки своего короля. Тогда Ласкер согласился, наконец, на матч. Пусть в Гаване, пусть в жаре, лишь бы скорее покончить с этим делом! Возможно, что и при лучших условиях пятидесятилетнему гиганту не справился бы с претендентом, обладающим столь высокой техникой, но неоспорим факт, что тяжелые условия ускорили капитуляцию Ласкера.

Бурей восторгов встретила темпераментная Куба победу своего любимца. Тридцатилетний шахматный король купался в славе, благополучии, всеобщем почете. Брак с Глорией Симиони из старинной кубинской семьи превратил обаятельного Хосе – кумира женщин в солидного гражданина, восторженно почитаемого маленькой страной. Старый сеньор Капабланка торжествовал: не зря он когда-то сделал недозволенный ход черным конем!

Но, кроме Кубы, был еще огромный шахматный мир, а этот мир ворчал. Двадцать семь лет поклонялся он мудрому Ласкеру и теперь был явно недоволен сменой власти.

– Что это за победа?! – возмущались знатоки и любители. – В других условиях Ласкер ни за что бы не уступил корону. Нужно повторить единоборство, но уже в более приемлемых для Ласкера условиях. Тогда посмотрим, кто победит! И уж, во всяком случае, новый король должен доказать, что он король! Пусть не в матче, пусть в турнире. Мы еще не уверены, что он сильнее Алехина, Рубинштейна, Рети, Нимцовича, Тарраша.

Недоверие шахматного мира отравляло торжество Капа бланки. Вот почему он с охотой принял предложение англичан сыграть в большом международном турнире в Лондоне 1922 года. С решимостью ехал в Европу новый чемпион мира. Он докажет свое превосходство, убедит всех, что по праву занимает шахматный трон! Он заставит замолчать недоброжелателей, вынудит непокорных склониться к его ногам.

– Я должен быть первым в лондонском турнире, должен! – не раз говорил Хосе Рауль Глории, вместе с которой сразу после свадьбы приехал в Европу.

«Я должен взять первое место в этом турнире. Должен, – убеждал себя Алехин. – Теперь или никогда! Это очень важное состязание, может быть, самое важное из всех, где мне пришлось участвовать. Одним этим турниром я могу разом решить почти все проблемы. Трон Капабланки вообще непрочен, шахматный мир не верит в его превосходство над остальными гроссмейстерами, а тут еще новый удар. Мой первый приз поставит кубинца в трудное положение, он будет вынужден принять вызов».

Алехин одевался сегодня с особой тщательностью. Как же иначе – открытие турнира. Он впервые играет в Лондоне, важно сразу завоевать симпатии англичан. Бритва лишняя раз прошла по его щекам. Особенно много времени отняли усики: не так-то просто вывести ровную линию на верхней губе и при этом не порезаться. Нелегким оказался также выбор сорочки и галстука в тон костюму, только что принесенному горничной из уютки.

«С Надей все было бы гораздо проще, – подумал Алехин, и на сердце его потеплело. – Надя, милая, хорошая Надя! Видно, сам бог послал мне ее в награду за долгие муки».

Мало кому известный в Париже, он встретил Надю на вечере у знакомых. Чем-то родным повеяло сразу от ее мягкого тихого голоса, что-то теплое и согревающее было в ее добром, благожелательном взгляде. А разве не соскучился Алехин в годы скитаний и тревог по этой женской ласке? В Наде было много чисто материнской теплоты, а именно ласковой руки матери был лишен всю жизнь Алехин в их сложной, разобщенной семье.

«Жаль, что она не согласилась приехать, – подумал Алехин, расхаживая из угла в угол небольшого номера в гостинице «Уолдорф», где он остановился. – Все условности, боязнь людского суда. Подумаешь, не женаты? Ну и что? Разве все уже не решено?! Сказал утром по телефону: «Приезжай». – «Что ты! – чуть не закричала в трубку. – Как можно!» – «Очень просто: садись в поезд и приезжай. Свободный человек, уже не девочка, чтобы обращать внимание на условности». Так нет тебе! Неудобно. Мнение людей на первом плане. А как ей было бы здесь хорошо, она так любит удобства».

Алехин оглядел уютную обстановку номера. Мягких тонов обои гармонично сочетались с красочными панно и маленькими бра: патроны в виде оплавленной свечи, миниатюрные красные колпачки. Особенно красивы они вечером, при зажженном свете. Несколько тяжелых кожаных кресел так и тянули к себе усталого человека, обещая безмятежный отдых. Но всего удивительнее пол, затянутый толстым серым ковром; при каждом шаге нога утопает в его длинном, густом ворсе. Уютная домашняя обстановка! Пусть здесь нет и грана модерна, пусть все старомодно, зато все проверено годами: поместившись в таком номере, сразу чувствуешь себя так, будто уже живешь здесь долгие годы.

Завязывая галстук перед зеркалом, Алехин вернулся мыслями к турниру. Больше всего его беспокоила предстоящая встреча с Капабланкой. Восемь лет не виделись они после Петербурга. Тогда были друзьями, вместе смотрели варианты, готовились к партиям. А теперь?! Теперь конкуренты в острейшей схватке за шахматную корону. Дружба! Разве может быть дружба между королем и ближайшим претендентом на трон? «Есть другие достойные претенденты», – вот как ответил недавно Капабланка на вызов Алехина.

«Другие претенденты, – продолжал рассуждать Алехин. – Кто? Ласкер – это понятно, но ведь он и не собирается искать реванша. Капабланка пишет о Маршалле, но причем здесь Маршалл? Хороший гроссмейстер, и только! Не может же он считаться конкурентом только потому, что Капабланке легче всего его разгромить. Он уже однажды это сделал. Еще остается Рубинштейн. Вряд ли это серьезно, не тот уже теперь прежде грозный Акиба! Хотя многие еще в него верят. Ничего, скоро проблема Рубинштейна разрешится окончательно! Голландцы хотят организовать мой матч с Рубинштейном. Как-нибудь я у него выиграю! Еще лучше, конечно, четверной матч-турнир: Капабланка, Ласкер, Алехин, Рубинштейн. Великолепная идея, но вряд ли кубинец согласится. Зачем ему это?»

Поправив еще раз белый платок в карманчике пиджака, Алехин вышел на улицу. Лондон казался ему слишком серьезным и немного мрачным; темно-серые здания с вековой проседью выглядели мудрыми, но усталыми. Огромный город с красивыми площадями, величественными строениями в целом все же оставлял Алехина холодным и равнодушным к своим красотам. Он не был близким его сердцу. То ли дело жизнерадостный, веселый Париж!

Алехин дошел до Траффальгар-сквера, полюбовался памятником Нельсону и вскоре достиг Уайтхолла. Большой Бен пробил одиннадцать. «Целый час до открытия конгресса, – опять вернулся он в мыслях к предстоящему состязанию. – Конгресс – так звучно называли англичане турнир. Для рекламы. Первый большой турнир после войны, собрались все лучшие силы. Ласкера, жалко, не будет, старик в Берлине переживает обидное поражение. Хорошо, что приехал Капабланка, с ним турнир становится особенно интересным. Как-то мы встретимся с Хосе Раулем? Восемь лет прошло, много воды утекло! Совсем по-разному прошли эти годы для него и для меня. Он стал чемпионом мира, а я? Окопы, голод, лишь чудом вернулся к шахматам...

Вот уже больше года, как я уехал из России, а чего я добился, чего достиг? – обсуждал в мыслях собственную судьбу Алехин. – Три первых приза, правда, я взял, это неплохо. Савелий говорил, нужно взять десять, значит, осталось еще семь. Но все это не то, мало что сдвинуло с места. Нужно сейчас обязательно взять первый приз. Тогда разом отпадут конкуренты, и Рубинштейн, и Маршалл. Да и кубинцу будет нелегко. Когда вы будете вторым, сеньор Капабланка, вы обязаны будете сразиться с настойчивым русским. Тут уж вы не отделаетесь письмом с намеками!...

Задумавшись, Алехин чуть не попал под автомобиль.

«О, черт! – тихо воскликнул он. – Забыл, здесь же левое движение! И чего они держатся за свою левую сторону? Традиции! Просто упорство, консерватизм. Вроде как мили и фунты. В магазинах не поймешь, что сколько стоит. Три дробы: фунты, шиллинги, пенсы. Пока переведешь в франки!» Ход его мыслей прервала необходимость перейти Уайтхолл, это было просто. Гляди да гляди! С Виктория-стрит на Уайтхолл и через мост непрерывным потоком неслись экипажи.

А вот и Вестминстерское аббатство, пора идти в Централхолл. Вновь мысли Алехина вернулись к шахматам, к предстоящей встрече с Капабланкой. Как-то они будут вести себя в первые минуты, как поздороваются? На деле все оказалось совсем просто. Недалеко от входной двери, у самой нижней ступеньки дугообразной лестницы, ведущей на второй этаж, стоял сияющий Хосе Рауль. Он бросился к Алехину, обнял его, что-то радостно повторяя по-испански, затем, видимо, вспомнив, что этот язык труден русскому, перешел на французский.

– Поздравляю! – промолвил Алехин, освободившись от объятий кубинца, и Капабланка даже не спросил, с чем. Со званием чемпиона мира, с чем же еще! Капабланка представил русскому свою жену. В слабом свете верхнего окна Алехин не сумел как следует рассмотреть молодую кубинку, но у него осталось приятное впечатление от красивого, хотя немного надменного и капризного лица. Он читал в газетах о женитьбе Капабланки на Глории Симиони и Бетанкоурт из Камагуэй. Потомственная семья кабальеро со звучной фамилией. Понятно, откуда эта надменность.

Капабланка засыпал Алехина вопросами: его интересовала судьба многих знакомых ему шахматистов России. Он даже забыл на минуту, что Глории скучно, – она не понимала французского языка. Мимо увлекшихся собеседников вверх по лестнице проходили зрители, не спускавшие взоров с знаменитых шахматистов. Один за другим появлялись участники турнира. Вот прошел Геза Мароци – высокий, медлительный математик из Будапешта; на секунду задержавшись, он изысканно вежливо поздоровался с четой новобрачных и с Алехиным. Обронив на ходу остроумное словцо, поднялся наверх Рихард Рети. Глория придирчиво оглядела небрежно одетого красивого чеха. Едва кивнув, прошагал мимо замкнутый Акиба Рубинштейн, похожий на пастора: закрытая черная одежда, невнимательный взгляд ушедшего в себя человека. Галантно приветствовал Глорию и гроссмейстеров подвижный, высокий Макс Эйве – представитель нового, но уже уверенно входящего в высший шахматный класс поколения мастеров.

Вскоре появились официальные лица. Мэр города Лондона Бонар Лоу с традиционной цепью на шее – символом власти, с ним большая группа организаторов конгресса. Церемония знакомства – и вот уже участники вместе с представителями властей размещаются рядом с органом на сцене Большого зала. Соскучившиеся по большому шахматному празднику любители Лондона аплодисментами встречают сильнейших гроссмейстеров мира.

Алехин с интересом рассматривал маленький на вид, но, тем не менее, очень вместительный зал. Архитектор сумел удачно вписать в небольшой объем такое обилие кресел. Широкие балконы нависали с трех сторон над амфитеатром, весь этот зал, отделанный в темные тона, был компактен и удобен, в нем поражала умелая группировка всех сооружений вокруг сцены и того главного, что должно привлекать внимание зрителей.

С интересом разглядывал Алехин и своих будущих противников в турнире. Организаторам удалось собрать сильнейших мастеров того времени, включая прославленных ветеранов и многообещающую молодежь. Не было лишь поверженного в прошлом году Эммануила Ласкера. Алехин вспомнил, что англичане просто не захотели приглашать на первый после войны шахматный праздник представителя вражеской Германии.

В центре сцены рядом с мэром сидел Капабланка. Внимание трех тысяч собравшихся в зале зрителей было приковано к обаятельному чемпиону мира, и сам Хосе Рауль чувствовал это. Всегда без робости и смущения принимавший восторги толпы, кубинец теперь, после года пребывания на шахматном троне, привычно купался в лучах славы.

– Я думаю, вы согласитесь со мной, – отвлекли внимание Алехина слова начавшего речь мэра, – если я заявлю, что шахматы – королевская игра среди всех игр. Я лично долгое время не интересовался ими, предпочитая карты. Во время войны я заметил с удивлением, что карты не занимают мой мозг в достаточной степени; тогда я вновь увлекся шахматами и вдруг обнаружил интересное явление. Сосредоточенность, которую требует эта игра, не давала мне возможности думать о других вещах, и шахматы стали для меня подлинным отдыхом.

Много достоинств вырабатывают шахматы, – продолжал мэр. – Способность смотреть вперед и видеть дальше, чем ваш противник; огромная собранность – по-видимому, ни одно из человеческих занятий не требует ее в такой степени, как шахматы; воображение, настойчивость, бдительность. Все присутствующие на сцене обладают такими качествами, и я желаю им самых лучших успехов в предстоящей борьбе. Мы, жители Лондона, приветствуем у себя

в городе сильнейших шахматных экспертов мира и желаем им приятно провести здесь время. Благодарю за внимание!

«Тяжело голове, носящей корону», – гласит пословица, но есть и преимущества в этом головном уборе. Символ власти придает человеку смелость и уверенность.

Алехин придирчиво наблюдал за игрой Капабланки в лондонском турнире. Сколько раз раньше разбирал он партии кубинца, изучал методы игры, отмечал слабые и сильные стороны. Теперь в лондонских партиях чемпиона было много обычного, известного Алехину, но очень многие качества удивили его.

Когда-то, на первых шагах своей карьеры, Капабланка поражал мир интересными выдумками, неожиданными атаками, фантастическими комбинациями. Взять хотя бы его партию с Бернштейном из Сен-Себастьяна. Сказывались природный талант, темперамент и фантазия – качества, дарованные ему пылкой тропической природой.

Ныне звание чемпиона мира наложило странный отпечаток на его игру. Куда девались прежняя фантазия, смелость; в каждой встрече, все равно – с гроссмейстером или слабым мастером, дело сводилось чаще всего к одной лишь голой технике. Мало стало комбинаций, совсем исчезли рискованные атаки. Уже в дебюте проводились массовые размены фигур, партия быстро клонилась к эндшпилю, и тогда-то вводились в действие исключительная техника кубинца, его несравнимое мастерство в разыгрывании конечной стадии. Сколько партий решил он в Лондоне убедительными и четкими маневрами в позициях, где на доске оставалось совсем незначительное число фигур.

Еще одно качество Капабланки бросалось в глаза даже человеку, видящему его впервые. Самоуверенность всегда была главной особенностью его характера. А теперь, когда к ногам его склонился целый шахматный мир, когда друзья оповестили в крикливых статьях о приходе непобедимого, безошибочного шахматного мессии, вера кубинца в себя стала безграничной. И на первых порах это помогло во многом его успехам в турнире. Его противники, садясь за доску против чемпиона мира, начинали волноваться, допускали ужасные ошибки, которых никогда бы не совершили, играй они с другим гроссмейстером. ореол непобедимости Капабланки помогал ему действительно оставаться непобедимым. Играя против него, терялись не только игроки слабые, но и выдавшие виды шахматные корифеи.

Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера (1888–1942), третий чемпион мира по шахматам.

Партию за партией выигрывал Алехин на старте лондонского турнира, стараясь уже в начале оторваться от чемпиона мира. Пять побед подряд – было чем гордиться! Но и блестящий старт не позволил ему опередить Капабланку – тот тоже набрал в первых пяти партиях пять очков. Голова в голову прошли первый круг чемпион мира и честолюбивый конкурент. В следующих трех партиях оба снизили темп: Алехин свел все три партии вничью. Капабланка победил Боголюбова и вырвался на пол-очка вперед.

Понятен был интерес лондонцев к девятому туру. Ведь в нем встречались между собой лидеры. Сумеет ли Алехин победить кубинца и обойти его? Капабланка на пол-очка впереди, но ведь Алехин играет белыми, а известно, как стремительно атакует этот русский, когда инициатива в его руках. Много придется поработать чемпиону мира, чтобы отразить натиск опасного конкурента!

Так рассуждали зрители, толпой устремившиеся в турнирный зал. Организаторам пришлось расширить помещение для игры, тем более, что архитектор будто бы специально предусмотрел такую возможность в проекте здания. Зал в обычные дни был отделен от библиотеки раздвижной перегородкой. В девятом туре пришлось открыть перегородку, лишь тогда стало возможным вместить всех желающих. Правда, побочные турниры пришлось выселить в соседние комнаты, но кого они интересовали рядом с такой выдающейся партией!

Алехин делал большую ставку на встречу с Капабланкой. Победа давала ему не только лидерство в турнире, она укрепляла его позиции в шахматном мире. Шансы на матч с Капабланкой в случае победы значительно возрастали. Вот почему он так тщательно готовился к партии девятого тура, рассмотрев несколько десятков последних партий кубинца. Бой, решительный бой! – вот на что настроился Алехин, все свое умение, весь талант решил он вложить в эту партию.

Но действительность грубо перепутала его планы. Еще раз во встрече с кубинцем он сумел убедиться, как преобразился стиль игры нового чемпиона. Ни одного рискованного хода, ни одного ослабления не позволил себе чемпион мира в этой партии. Он не захотел даже попытаться играть на выигрыш. Главное – безопасность. Обеспечил ее Капабланка с подкупающим мастерством. Точнейшие маневры в дебюте привела вскоре к разменам; положение с каждым ходом упрощалось, вместе с фигурами, уходящими с доски, исчезали честолюбивые планы Алехина. Уже на семнадцатом ходу ему пришлось согласиться на ничью; дальше играть просто не имело смысла. Разочарованные покидали зрители турнирный зал; жаркого сражения они так и не увидели.

– И ради этой партии я проехал двести миль! – сокрушенно воскликнул один из зрителей.

Попытка Алехина перегнать лидера, победив его в личной встрече, не удалась, Капабланка все еще опережал его на пол-очка. Но не в характере Алехина отказываться от цели при первой неудаче. Впереди еще семь туров, дистанция большая. Можно еще обогнать Капабланку, нужно только выигрывать. И Алехин с блеском проводит следующие три партии. Повержены Ятс, Мориссон, наконец, принципиальная встреча с Рубинштейном также дала русскому важное очко. Вопрос о конкуренции Рубинштейна в значительной степени разрешился этой встречей, тем более, что он вообще играл в турнире неважно. Оставался Капабланка, но, увы, чемпион мира все еще был недостижим. Алехин одержал три победы, кубинец повторил его достижение. Все еще сохранялся разрыв в пол-очка. Чемпион мира лидировал в турнире, догнать его, не то чтобы перегнать, оставалось все меньше шансов.

И в этот момент произошло событие, резко ухудшившее настроение Алехина. В один из дней гроссмейстерам – участникам турнира раздали листочки бумаги. В них были напечатаны новые условия матчей на мировое первенство, выработанные Капабланкой и его друзьями. В большинстве пунктов это были известные уже условия, в них не было ничего нового, но два пункта вызвали жаркие дискуссии.

«Матч играется до шести выигранных партий, ничьи не считаются», – гласил первый пункт условий.

Какой прозрачный пункт! Ничего лучшего нельзя было придумать для Капабланки. Не проигрывать, играть осторожно – это ведь его стихия! Он может делать сколько угодно ничьих, при его стиле игры это нетрудно. Но как непостижимо трудна задача претендента! Шесть раз победить Капабланку, когда в течение многих лет никто не может выиграть у него одной партии. Страшное условие! Раньше матч игрался на большинство из двадцати четырех или тридцати партий, это была борьба, оба противника обязаны были стремиться к победе в каждой партии. Иначе одно случайное поражение могло привести к катастрофе. А теперь?!

Особенно расстроил этот пункт Алехина; он будто бы специально был написан против него. При фантазии русского гроссмейстера, его стремительности, наступательном стиле игры риск неизбежен. Значит, неизбежны и проигрыши. Капабланка может, как за каменную стену, укрыться за свою технику, отсидеться, ожидая «лучшей погоды». Он блестяще научился избегать малейшего риска, спасаясь при необходимости в ничейной гавани. Непреодолимые препятствия поставил новый чемпион на пути конкурентов. Алехин, например, не выиграл до сих пор у кубинца ни одной, партии; где же гарантия, где хотя бы малейшая надежда, что он выигрывает у него в матче целых шесть?!

Но если бы, прочтя этот пункт, гроссмейстер и нашел какой-нибудь успокаивающий довод, то седьмой пункт условий окончательно лишил его всякой надежды на мировой престол. «Чемпион мира не может быть принужден к защите своего звания, если призовой фонд не достигает суммы в размере 10 000 долларов, не считая расходов по проезду и содержанию участников». Потрясающий пункт! Десять тысяч! Это только призы, требуется, кроме того, обеспечить оплату расходов. Всего около пятнадцати тысяч долларов нужно иметь гроссмейстеру, чтобы он мог сказать: «Сеньор Капабланка, я готов с вами сражаться».

Два коротких, лаконичных пункта, два непреодолимых препятствия. Прощай надежды, мечты о шахматной славе. Алехин видел, что не только его расстроили новые условия чемпиона мира. Поник Рубинштейн: где ему, при его непрактичности, собрать такую баснословную сумму! Сердито ворчал обычно добродушный Боголюбов, а Тартаковер отделался шуткой:

– Женюсь на дочери Форда.

Постарались нью-йоркские друзья Капабланки! Но что можно было поделать? Разве исстари не было правом чемпиона ставить условия сражения?! Такова полувековая традиция борьбы за шахматный трон. Получив условия, гроссмейстеры покачали головами, пожаловались друг другу, на этом дело и кончилось. Не спорить же с чемпионом мира! Да и неприлично: подумают, что сам себя считаешь ближайшим претендентом и заранее выговариваешь легкие условия сражения. Поговорили-поговорили в кулуарах турнира в свободное время, да потом и перестали. А новые условия стали законом.

Косой луч солнца каким-то чудом пробился сквозь каменные громады соседних домов, проник через оконное стекло, упал на никелированную облицовку мраморной колонны и, отразившись, упал на стекло очков старичка, игравшего в одном из побочных турниров. Глубоко задумавшись, старичок не понял, что вдруг ему стало мешать, и отмахнулся от луча, как от назойливой мухи. Но настойчивый зайчик вновь заиграл на очках недогадливого шахматиста.

Капабланка улыбнулся, заметив борьбу старичка с неожиданной помехой. Он подошел к окну и встал так, чтобы преградить дорогу шаловливому лучу. Старичок успокоился и сидел теперь неподвижно, уставившись взглядом в шахматную доску.

Внизу мимо широкого окна бурным потоком неслись автомашины, экипажи, куда-то спешили люди. Теплый августовский вечер был погож и приятен. Капабланка пожалел, что придется играть в такую погоду. Сейчас бы за город. Но огорчение было мимолетным. Он вспомнил: ведь и в самом деле он поедет сегодня за город; Глория уже пришла. Вот кончится партия, и вместе с друзьями, как условились, они поедут в загородный ресторан.

Обернувшись, Капабланка убедился, что его противник Видмар все еще думает над ходом. В толпе зрителей у самого каната стояла Глория. Стройная, немного полная брюнетка с правильными чертами лица, она выделялась среди окружающих. Глория оделась для вечерней поездки: темное платье, вырез и рукава отделаны кружевами, большая широкополая шляпа спадала почти на глаза. И никаких украшений, только нитка крупных бус.

«А она совсем не похожа на кубинку», – подумал Капабланка. И вдруг вновь, как много раз за последние полгода, вспомнил он о произошедшем в его жизни. «Ведь ты женат, это твоя жена! Ты теперь солидный господин, семейный. Никак не привыкнешь к этой мысли. Прощай, холостяцкие радости! Вы обязаны быть степенным, сеньор Капабланка!» Вспомнил он о своих прошлых увлечениях, о волнующих встречах в Испании, России, Аргентине, потом перенесся мыслями к событиям последних месяцев. Припоминалась ему встреча с Глорией, во многом случайная. Правда, говорят, браки совершаются в небесах, а для нас они чаще всего неожиданность. Вот хотя бы он! Думал ли он жениться?! И в мыслях не было. И вдруг встреча с министром Гонзалесом де Квасадом, знакомство с Глорией. Короткое ухаживание и... эта милая, красивая девушка уже сеньора Капабланка!

В этот момент кубинец заметил, что идут его часы, хотя Видмар все еще продолжал сидеть неподвижно и смотреть на доску. Быстро подойдя к столику, Капабланка, не садясь, взял ладью пешку эф-семь и перевел часы.

Видмар удивленно поднял взор на противника.

– Пардон, сорри, – произнес удивленный гроссмейстер. Капабланка продолжал стоять, все еще не понимая, что произошло.

– Но ведь сейчас мой ход, вы только что сыграли ладьей на цэ-семь, – пытался объяснить ситуацию Видмар.

И тогда Капабланка все понял. Увидев, что идут его часы, он решил, что Видмар уже сделал свой ответный ход. На самом деле кубинец просто позабыл раньше перевести часы. Рассыпавшись в извинениях, Капабланка поставил ладью на прежнее место, вернул черным пешку на эф-семь и отошел от доски. Видмар вновь принялся раздумывать над позицией.

«Смешной случай, – улыбнулся Капабланка, расхаживая меж столиков, за которыми игрались остальные партии. – Сделал два хода подряд. Какая разница, все равно позиция черных безнадежна! Нет качества, теряются еще несколько пешек. Чудной Видмар, решил играть против меня мою же разгрузочную систему. А ее нужно играть точно, малейшая ошибка ведет к безнадежной позиции».

«У Алехина ничья, – подумал кубинец, взглянув на позицию своего конкурента. – Отлично, буду впереди на очко! Обеспечен первый приз, нужно выиграть лишь в последнем туре у Мароци. Уж как-нибудь! Хорошо провел я весь турнир. Ни одного поражения, теперь ни у кого не будет сомнений, прекратятся обидные намеки в печати. Чемпион мира всем доказал, что он сильнейший: Ласкера разгромил в матче, остальных намного опередил в турнире. Пусть после этого поднимется у кого-нибудь рука написать что-нибудь обидное!»

Капабланка вновь подошел к окну, вечернее солнце осветило его стройную фигуру. Немного выше среднего роста, осанистый, импозантный, стоял он гордый, как триумфатор, на фоне силуэтов лондонских зданий. Женщины, находившиеся в зале, с нескрываемым любопытством следили за каждым движением этого удивительно красивого человека. Большие выразительные глаза слегка навывкате, тонкий красивый рот, густые волнистые волосы. Даже крупный мясистый нос не портил его обаятельного лица. Изящно одетый, с мягкими обволакивающими движениями, он был неотразим для женщин, тем более, что сам всегда проявлял к ним интерес.

В сердце кубинца царила радость, да и как ему было не радоваться! Молод, здоров. Утром он сыграл несколько сетов в теннис и теперь чувствовал приятную усталость. Жизнь балует его, все складывается для него так, как нужно. Нет никаких оснований для беспокойств и волнений. Он богат, счастлив, любим, у него красивая, молодая жена. Шахматный мир у ног, корона на долгие годы останется на его голове. Пусть злопыхатели кричат, что она досталась ему не без помощи гаванской жары. Люди всегда злы, пусть злорадствуют. Теперь они примолкнут. Блестящая победа в лондонском турнире доказала полное превосходство чемпиона над всеми. Ласкер предпочел даже уклониться от нового боя. «Кое-кто хочет еще матч-реванша с Ласкером, пожалуйста, я готов к бою. Не только с ним, но и со всяким другим. Можете испробовать силу чемпиона мира! Только потом не жалейте!» Все, что нужно для счастья, было у этого любимца судьбы. Здоровье, молодость, красота. Слава, почет, деньги.

Будущее рисовалось победителю во всей своей безмятежной прелести, его мысленный взор создавал самые увлекательные, самые радужные картины. И ни одного облачка на горизонте, ни одного темного пятнышка! Счастье, радость, успех. И слава, слава, слава!

...Рука кубинца нащупала вдруг в кармане маленькую бумажку. Что такое? Ах, вот что! Смешной гороскоп, составленный утром уличным предсказателем судеб по настоянию Глории. Капабланка с улыбкой прочел написанные трудно разборчивым почерком строки:

«Все свидетельствует о печати необыкновенности: прекрасные физические данные, гениальные качества. Обладает решительностью, и это делает его непобедимым для противника. Видно сочетание власти атаки с дипломатическим искусством, хорошим рассуждением и благородием...»

«Хорошо разобрался в моем характере», – без излишней скромности подумал Капабланка и улыбнулся. Но вдруг лицо его омрачилось.

«К сожалению, Солнце отделено от негармоничного аспекта Сатурна, – читал кубинец дальше. – Это ослабляет до какой-то степени его телосложение. Плохое здоровье может послужить причиной срывов и препятствием в его карьере. Уран имеет неблагоприятный поворот к Марсу, поэтому нездоровье и беды будут происходить внезапно и неожиданно. Все заботы и зло случатся, когда осуществится раскол между Сатурном и Марсом, как, например, в 1927 году. Ненужный риск и излишества должны быть избегаемы в эти годы...»

Нахмутив брови, дочитывал кубинец последние строки. Настроение его разом испортилось. Как многие баловни судьбы, Капабланка верил во всевозможные предсказания, а тут такое пророчество, неожиданное, как удар грома среди ясного неба. Но вскоре к нему вернулось прежнее настроение. Ничего, решил он, двадцать седьмой год еще далеко! Если понадобится, будем избегать риска и излишества. А пока да здравствует жизнь!

Капабланка решительно смял бумажку с гороскопом и направился к Глории, встретившей его влюбленным взглядом.

3

Поезд стремительно мчался от побережья Франции к Парижу, монотонный стук колес клонил Алехина в дремоту. Голова его уже упала на грудь, как вдруг в коридоре вагона раздался раскатистый женский смех. Мимо стеклянной двери купе прошли маленькая, изящная блондинка и высокий, солидный господин. Тряска быстро мчащегося вагона бросала их из стороны в сторону, но джентльмен заботливо охранял даму, одной рукой опираясь о стены вагона, другой поддерживая хохотушку под руку. Пара шла из вагона-ресторана, видимо, после приятного обеда.

«Веселятся, – подумал Алехин, провожая взором пассажиров. – Все веселятся. Лишь у тебя одного заботы. Поделом, сам себе их создаешь! Сколько раз говорил; брось к чертям эту погоню за славой, битву за первенство. Живут же люди, не знают забот, радуются простым, незатейливым радостям. И ничего – довольны. А тебе все что-то нужно, все ты куда-то спешишь, с кем-то борешься. В конце концов, зачем все это? Суета сует».

Раскаяние, стремление упростить жизнь не впервые овладевали Алехиным. В трудные минуты он не раз решал отказаться от всякой борьбы за успех, на которую в другие моменты его толкали честолюбие и волевой, сильный характер. Иногда он даже давал себе клятвенные обещания – вот завтра же начать новую жизнь, отказаться от изнурительной битвы с препятствиями, жить, «как все люди». Но уже в следующее мгновение энергия побеждала пассивность, борец-оптимист брал верх над отчаявшимся пессимистом. Алехин вновь боролся, страдал от неудач и... вновь боролся.

Бессознательно наблюдая пролетающие в окне вагона пейзажи, Алехин вскоре вернулся в мыслях к теме, занимавшей его последние годы, а именно, к неудавшимся попыткам вознестись на шахматный Олимп.

«Вот уже больше года, как уехал из России в погоне за жар-птицей в черно-белом оперении, – думал он. – И чего добился? Ничего, строго говоря, остался на той же точке, с которой начал. Играл, жаждал побед, первых призов, надеясь подкрасться, наконец, к заморской диковинке и схватить ее. А она прилетела на минуточку, очаровала всех своей красотой, затмила конкурентов расписными перьями и опять улетела в Нью-Йорк. И поймать ее стало совсем невозможно, силки нужны теперь не простые, а золотые, а стоят те силки пятнадцать тысяч долларов. Где найдешь такое сокровище? Только в сказках Иванушка-дурачок отыскивал сыпучие клады. Ныне времена другие, клады теперь берегут в подвалах и охраняют электрическими ловушками да пулеметами.

Надеялся на Лондон, но все полетело прахом, – от языка сказок перешел Алехин к языку действительности. – Нет, кое-чего, конечно, в Лондоне добился: решил проблему Рубин-

штейна, пришел к финишу вторым. Как-никак, впереди теперь только один Капабланка, имею все основания еще раз вызвать его на матч. Пошлю из Парижа еще один вызов. Нужно забить «заявочный столб», а то опять образуется очередь».

Шахматная корона чемпиона мира практически стала для Алехина смыслом его жизни. Для этого требовалось постоянно участвовать в соревнованиях, доказывая свое право на матч с Капабланкой. Александр Алехин на турнире в Карлсбаде, 1923 год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.